

«... В одной древней рукописи Евангелия есть место, где спрашивают Иисуса Христа: «Когда придет царство Божие?» И Христос отвечает: «Царство Божие уже пришло там, где двое – уже не двое, а одно».

(Митрополит Антоний Сурожский, из проповеди «Таинство Любви»).

Однажды заговорив, человек произнес слово «любовь». С тех пор никому и никогда не удавалось дать точное определение этой самой любви, поведать нам, как это чувство возникает, и почему именно между определенными людьми. Описывают экстатические состояния счастливых влюбленных или страдания отвергнутых, но не сам феномен любви.

Это летучее, непостоянное чувство пытались поймать в силки конкретных слов, заключив его в энциклопедические определения, но, лишённые романтики, определения выглядели сухо и, поэтому, неточно. Притягательную силу любви пытались объяснить с помощью таблицы Менделеева, мол, определенные индивидуумы противоположного пола притягиваются благодаря химической совместимости. Любовь пытались объяснить с точки зрения нашей генетической памяти, настаивая на том, что женщины выбирают спутников, похожих на своих отцов, а мужчины предпочитают женщин, напоминающих их матерей. Нас просветили, что в выборе спутника большую роль играют запах, внешность и тембр голоса. Оказывается, что в момент овуляции, женщины пахнут привлекательнее для мужчин, а большие груди, тонкая талия и широкие бедра являются гарантией, что женщина окажется плодородной и плодоносной, точно так же как крепкие плечи и широкая грудь у мужчин дают возможность надеяться на то, что он сможет отогнать диких зверей от пещеры – в переводе на современный язык это означает, что на такого мужчину можно положиться. Глубокий и хрипловатый голос у мужчин считается сексуальным, потому что обладатели такого голоса имеют повышенный уровень тестостерона, а это значит, что у такого мужчины будет много детей. Кроме того, повышенный уровень именно этого гормона у мужчин предполагает удачливость в делах, поскольку тестостерон делает мужчину решительным и разумно рискованным.

Итак, выделив друг друга из толпы, мы начинаем бегать на свидания, во время которых мы не столько получаем удовольствие, сколько планируем, хитрим, выжидаем, вычисляем, расставляем сети – одним словом, тяжело работаем. Используя все средства, находящиеся в нашем арсенале, мы стараемся привязать к себе, надолго или навсегда, понравившийся нам экземпляр. Если нам повезло, мы произносим заветное «да», после чего переходим к официальной части, состоящей из регистрации брака, узы которого зачастую действительно являются узами. Как мы знаем, в природе, я имею в виду в мире животных, брака не

существует. Институт брака, как и институт церкви, был придуман человеком.

Согласимся, что оба института принесли человечеству немного добра, усмирив бесов законами и страхом, но гораздо больше зла.

После церемонии бракосочетания пары исполняют свое главное предназначение - они стараются зачать потомство. Это в прошлом, конечно, в наше время многие сначала обзаводятся потомством, а уж потом заводят речь о браке. За успешным воспроизводством следует другая стадия: целых 18 лет мы ставим на ноги наших детенышей, после чего, проваландавшись еще несколько десятков лет на этом свете, мы в обязательном порядке умираем, чтобы не поедать того, что предназначено грядущим поколениям. Некоторые философы утверждали, что рождение начисто убивает саму идею бессмертия человечества – пока будет рождаться новая жизнь, старая будет неминуемо отмирать. Говорят, так не должно быть. Когда-нибудь, через годы и века, после великих катастроф, когда выжившие на Земле люди станут Богочеловечеством, все изменится. А пока мы не дожили до всего этого, именно в смерти и заключается главная непознанная трагедия нашей жизни.

Заметим, что любовные истории, пережившие века, часто заканчивались трагически. Почему же оказывалось возможным отдать жизнь за любовь? Нет, нет, не пугайтесь, в современном мире это не практикуется. Помните строчки из Блока? «Я рассердился больше всего на то, что целовались не мы, а голуби и что прошли времена Паоло и Франчески». Прошли времена рыцарей и прекрасных дам, времена куртуазного поведения и жертвоприношений на алтарь любви. Мы изменились, стали более прагматичными. Мы изменились настолько, что покупаем и продаем чувства, тела, мечты и жизни. И, все же....

Принявшись со всех сторон за изучение любви, ученые набрали на те участки мозга, которые активизируются во время влюбленности. Добравшись до истины, они просветили и нас насчет *ventral tegmental*, который во время влюбленности буквально истекает допамином, а также про *nucleus accumbens* – ту часть мозга, что находится выше *ventral tegmental*, куда наша любовь поднимается на следующей стадии, и про окситоцин, который привязывает двоих после первого взрыва страсти, и, наконец, про *caudate nuclei* – попав туда, страсть к данному партнеру постепенно угасает совсем. Впрочем, возблагодарим Создателя за то, что страсть, превратившись из взрыва в равномерно тлеющий огонь, не стирается полностью из нашего сознания, а превращается в привычку, которая никогда не забывается, что-то наподобие езды на велосипеде или печатания.

Лихорадка страсти, как и любые другие лихорадки, рано или поздно проходит. Человек выздоравливает. Если пара склеилась, начинается время субботних вылазок в супермаркет и воскресных запоздалых завтраков, а это означает, что пора заводить детей. Страсть в это время уже не нужна, она будет только отвлекать внимание, поэтому первоначальная влюбленность уступает место гораздо более глубокому чувству - любви. Если же любви не случается, ее место занимают такие

трезвые доводы, как, например: семейная жизнь лучше, здоровее и экономнее, чем холостяцкая; появятся дети – они будут продолжением меня и мне не будет грозить одинокая старость; если невеста с приданным, то я обрадуюсь и моя жизнь станет намного легче, я отдам долги, ну и т.д. Женщина думает приблизительно так же, но настойчивее, потому что время, когда она может произвести потомство, ограничено.

Другими словами, пока отпылавшая страсть начинает тлеть ровным теплом привязанности в caudate nuclei, дожидаясь новых вспышек, наши отношения оформляются в долгосрочный союз. Насколько долгосрочным будет данный союз, предвидеть невозможно, это зависит от того, появится ли на горизонте тот или та, кто снова, намеренно или нечаянно, разбудит нашу страсть, задремавшую было в caudate nuclei.

Хочу обратить внимание на одну забавную деталь: когда наша страсть пробуждается от спячки, и мы снова испытываем желание ей подчиниться, никакие клятвы, данные в церкви Господу Богу о верности до гроба во время бракосочетания, нас от безумия не спасают. Это доказывает только одно: человек по природе своей не моногамен, но чтобы хоть как-то подчинить его себе, церковь надела на него «смирительную рубашку» из канонов, определяющих поведение данного индивидуума среди себе подобных, т.е. в обществе. Любой шаг, расходящийся с церковным диктатом, считался и до сих пор считается грехом, и вот тут-то церковь и пытается добиться своей цели – человек должен убояться кары Господней. Другими словами, еще столетие назад беднягу сажали на «хлеб страдания и на воду страха». Кто был посмелей и понимал, что сам Бог карать за такое никого не собирался, нещадно наказывался церковью.

Чего стоит только одна история с Николо Паганини! Из-за того, что он был невероятно гениален, трудолюбив, богат и не верил в попов, отказавшись перед смертью от последнего причастия, католическая церковь не разрешала предать его тело земле на протяжении 56 лет после его смерти! Разрешила, как только выдоила все деньги из сына Паганини, маркиза Ахилло. Вы скажете, что я отвлеклась. Ничуть. Ведь, кроме половой любви, существует или, во всяком случае, должна существовать такая вещь, как человеко**любие**. Говорю об этом, чтобы лишний раз напомнить о том, что такое понятие, как любовь и такой институт, как церковь, зачастую несовместимы. Проповедую Господню любовь с амвонов, в реальной жизни церковь очень часто практиковала ненависть к людям.

Итак, браво! Мы поняли, что происходит в нашем мозгу, когда мы влюблены. Теперь давайте ответим на вопрос, почему мы влюбляемся и что это, все же, такое? Давайте оставим в стороне все эти ventral tegmental, nucleus accumbens и caudate nuclei и спросим себя – а как же быть с нежностью? С волнением? С цветами, которые мы покупаем, со стихами, которые складываются у нормального человека в голове только в период влюбленности? Как быть с тем, что люди жили ради любви, умирали ради любви и убивали ради любви? В подтверждение своих слов, приведу строки из старинного арабского стиха: «Часто слышал я свист стрел над

моей головой и не дрогнул ни разу; но когда я слышу шелест ее платья, трепет проходит у меня по всему телу. Часто слышал я трубы наступающего врага, но оставался холоден душой и телом; когда же я слышу ее голос, всего меня обдает жаром». Эти строки написаны много веков тому назад, но, по-прежнему, и трепет и жар попеременно лихорадят нас, когда мы влюблены. А в «Песне Песней» написано вот что: «Ибо крепка, как смерть, любовь ... стрелы ее – стрелы огненные. Большие воды не могут потушить любви, и реки не зальют ее». Не много ли громких слов и нешуточных переживаний только для того, чтобы сперматозоид встретился с яйцеклеткой?

Говорят, наука никогда не сможет расколоть крепкий «орешек» влюбленности. Вполне вероятно, что этот орешек нам не зубам потому, что любовь является пришлицей прямоком с Небес. Господь создавал Землю и человека не без ошибок, но с большой любовью и, чаяно или нечаяно, пролил каплю этой любви и нам, людям. Именно с помощью этой капли любви был избегнут абсолютный разрыв между Творцом и его творением. Человек, будучи творением Бога, продолжает созидать на Земле, таким образом, продолжая дело Всевышнего. Человек созидает и изобретает не только божественную музыку, великолепные скульптуры, полотна, здания, стихи, романы, двигатели и космические корабли, он также творит любовь. Пусть даже его умение любить и его преданность любви подвергаются испытаниям и часто превращаются в боль и страдания, но тот, кто умеет любить, бывает несказанно счастлив!

Желая докопаться до смысла любви и ознакомившись с научной точкой зрения, которая пока не дает нам до конца ясного ответа на вопрос: «Что такое любовь?», давайте обратимся к философам, например к Владимиру Соловьеву – величайшему христианскому философу – и его знаменитому трактату «О смысле любви». Это – чуть ли не единственная работа в истории христианской мысли, написанная о любви-эросе.

Прежде всего, напомним, что традиционная христианская догма, а, другими словами, церковь, не признавала плотской любви между мужчиной и женщиной, а если и мирилась с ней скрипя сердце, то исключительно из-за полезности любви – ее функции деторождения. Соловьев же сразу встает на противоположную точку зрения. Он настаивает, что половое влечение между человеческими особями не может быть ни объяснено, ни оправдано только тем, что человек стремится к размножению. У человека сильнейшая взаимная любовь является возможной с полным исключением деторождения. Самая сильная любовь очень часто бывает также неразделенной, и в этом случае, не только великого, а и вовсе никакого потомства не производит. Примером разделенной или взаимной любви могут служить Ромео и Джульетта, но, как и большинство страстных любовников, они умерли, не породив никого, а, породивший их Шекспир, как и прочие великие люди, родился не от безумно влюбленной пары, а от заурядного житейского брака.

Человек, говорит Соловьев, свое бытие утверждает в эгоизме. Эгоизм пронизывает и направляет всю нашу жизнь. На заре истории человечества

именно эгоизм включал наше самосохранение, и, следовательно, благодаря эгоизму мы выживали. Поскольку эгоизм до сих пор многое определяет в нашей жизни, человек не может пробиться к истине, а если все же будет упорствовать, то истину он сможет познать только теоретически и довольно поверхностно. Что же нам делать? Тем более, что среди нас есть такие чудачки, которые стремятся не только познать, но и жить в великой истине! Соловьев отвечает: «Пока живая сила эгоизма не встретится в человеке с другою живою силой, ей противоположной, сознание истины есть только внешнее освещение, отблеск чужого света. **Любовь есть действительное упразднение эгоизма**».

И далее: «Смысл и достоинство любви как чувства состоит в том, что она заставляет нас действительно всем нашим существом признать за другим то безусловное центральное значение, которое в силу эгоизма, мы ощущаем только в самих себе. Любовь важна не как одно из наших чувств, а как перенесение всего нашего жизненного интереса из себя в другого, как перестановка самого центра нашей личной жизни».

В то же время, Соловьев признает, что пафос любовного увлечения у людей всегда проходит. А все дело в том, что любовь в истинном смысле до сих пор не была осуществлена среди человечества на Земле. Любовь для человека пока то же самое, что и разум для животного мира: она осуществляется в своих зачатках или задатках, но не на самом деле.

Опять, что же делать? И тут мы должны несколько поднапрячь свое воображение. Владимир Соловьев совершенно резонно замечает, что было бы неправильно отрицать осуществление любви вообще только из-за того, что до сих пор она не была в полной мере осуществлена на Земле. В те умозаключения, что последуют сейчас, современному человеку трудно поверить, но давайте поднапряжем наше воображение и попробуем прорваться через преграду нашей заурядности.

Так вот, для осуществления смысла любви требуется такое сочетание двух данных органических существ, которое создало бы из них одну абсолютно идеальную личность.

«Истинный человек в полноте своей идеальной личности, - пишет Соловьев, - очевидно, не может быть только мужчиной или женщиной, а должен быть высшим единством обоих. Осуществить это единство, или создать истинного человека, как свободное единство мужского и женского начала, сохраняющих свою формальную обособленность, но преодолевших свою существенную рознь и распадение – это и есть собственная ближайшая задача любви».

Далее он объясняет, что в каждом человеке есть часть от Бога, точно так же, как и в Боге присутствует часть каждого «меня». «Таким образом, истинная любовь, есть одновременно нисходящая и восходящая. Для Бога Его другое «я», т.е. Вселенная, имеет от века образ совершенной Женственности, но Он хочет, чтобы этот образ был не только для Него, но чтобы он реализовался и воплотился для каждого индивидуального существа, способного с ним соединиться. К такой же реализации и воплощению стремится и сама вечная Женственность, которая не есть только бездейственный образ в уме Божиим, а живое духовное существо,

обладающее всей полнотой сил и действий. Весь мировой и исторический процесс есть процесс ее реализации и воплощения в великом многообразии форм и степеней.

Поэтому в половой любви, истинно понимаемой и истинно осуществляемой, присутствуют те проблески неземного блаженства, то веяние нездешней радости, которые сопровождают любовь даже несовершенную и, которые делают ее, даже несовершенную, величайшим наслаждением. Отсюда же и глубочайшие страдания любви, бессильной удержать свой истинный предмет».

И вот абсолютно правильные слова: «Смысл любви состоит в нахождении в соединении с другим существом своей собственной бесконечности. Но бесконечность только мгновенная есть противоречие нестерпимое для ума, блаженство только в прошедшем есть страдание для воли». Поэтому мы и несчастны! Люди несчастны не потому, что не знают, что такое счастье, а потому, что, испытывая счастье, тут же его теряют! Иными словами, если человек любя, испытает блаженство, и если это блаженство не обман, если оно открывает нам какую-то другую действительность, истину или бесконечность, которая потом закрылась и исчезла для нас, то почему же мы должны мириться с ее исчезновением?

А теперь приготовьтесь, перед нами откроется истина: **Соловьев считает, что истинная любовь есть торжество над смертью, что она принесет нам бессмертие.**

Для этого, правда, надо очень постараться и запастись терпением. Во-первых, исправить то, что непосредственно зависит от нас – пересмотреть наши пустые и суетные жизни, наполнив их, по возможности, смыслом. Второе зависит от космоса. Ему надо преодолеть две вещи, еще существующие на Земле – непроницаемость во времени, когда всякий последующий момент бытия не сохраняет в себе предыдущего, а исключает или вытесняет его собой, и непроницаемость в пространстве, в силу которой два тела не могут занимать одновременно одного и того же места, одной и той же части пространства, а обязательно вытесняют друг друга. Таким образом, то, что лежит в основе нашего мира, «есть бытие в состоянии распада, бытие раздробленное на исключающие друг друга части и моменты. Победить эту двойную непроницаемость тел и явлений – вот задача мирового процесса».

Соловьев заканчивает очень убедительно: «Мы нужны миру столько же, сколько он нам; вселенная от века заинтересована в сохранении, развитии и увековечении всего того, что действительно для нас нужно и желательно, всего положительного и достойного в нашей индивидуальности, и нам остается только принимать возможно более деятельное участие в общем историческом процессе – для самих себя и для всех других нераздельно».

Вот так, мои дорогие читатели, надо трудиться, прежде всего, над собой, а не развращать себя и далее суетой и безделицами, потому как любовь, делающая человека бессмертным, нам, конечно, нужна и желательна.

У меня, правда, возникают вопросы. Кому это надо? Кто поймет эту философию? Кто сегодня способен задуматься над тем, что когда-нибудь человек поднимется до такого уровня, что сможет узнать истинную любовь, обеспечив себе бессмертие? Кто решится продемонстрировать на деле, что любовь есть упразднение собственного эгоизма? Кто сегодня может преодолеть полную непроницаемость своего сознания? К сожалению, сейчас мы движемся в обратном от истины направлении. Мне видится, что очень скоро книги по философии будут выставляться в музеях, как некие диковинки, а наши потомки будут удивляться тому, что тысячи лет тому назад, люди могли не только сами писать, но и мыслить самостоятельно. Что главным для некоторых обитателей Земли было совершенствование своего разума, а не приобретение очередной модели «мобилы». Их ум был обращен не к светящемуся экрану ненадежного, не всегда правдивого и, увы, бездушного телевизора или компьютера, а к безбрежному экрану открытого космоса, служившего домом, как они верили, женственной ипостаси самого Бога – прекрасной Софии.

С другой стороны, человечеству, пока истинная любовь не снизойдет на его грешные души, надо постараться не угробить планету, на которой оно проживает. А то, любить и наслаждаться бессмертием будет негде, да и некому! Мне хочется надеяться, что прекрасная София нас от этой опрометчивости уберезет...

Впрочем, вернемся с Небес на Землю. Человеку еще не дано знание в том смысле, что ему пока не открываются ни великие истины, ни неразгаданные тайны, но ему дано любопытство и постоянное, неистребимое желание познать эти истины и тайны. Знание, которое пока закрыто для нас, касается четырех тайн: Бога, рождения, смерти и любви. Познав многое другое, прикладное и философское, технологическое и политическое, человек все же не может разгадать эти четыре тайны, среди которых находится и любовь. Не было бы Бога, было бы проще, но он есть, и поэтому все намного усложняется.

Давайте еще немного порассуждаем о любви, но уже с наших, человеческих невеликих высот и знаний.

С тех пор, как мы начали различать любовь как нечто великое, романтическое и чистое, существующее по ощущениям в нашей душе и в нашем сердце, мы, как только индустриализация разрушила некоторые застывшие каноны, охраняемые церковью, заговорили также о физическом влечении – о всепоглощающем чувстве, корнящемся совсем не в сердце и душе. Давным-давно та же церковь разделила наши чувства на неземные и земные. Божественные и греховные. Человек способен испытывать и то и другое. Пришло время, и мы открыто заговорили о том, что эти два чувства – физическое влечение и божественная любовь совсем не исключают друг друга, а одно является естественным началом или продолжением другого. Любовь является прелюдией страсти, страстное физическое влечение является продуктом зародившейся любви или наоборот. Да- да, скорее, наоборот. В современном мире мы часто начинаем с конца, когда любовь возникает или не возникает в результате знакомства двух тел.

Мы, женщины, очень часто сдерживаем себя, чтобы не упасть в объятия понравившемуся мужчине сразу же, после первого свидания. Даже сейчас, в начале двадцать первого века, секс после первого свидания считается некоторой распушенностью. А распушенность эта, тем не менее, вполне оправдана. Встречаясь, мы смотрим на лицо, в глаза, на цвет волос, на фигуру. Нравится или не нравится? Безусловно, сначала мы чувствуем физическое влечение. Чтобы привлечь душой, где позже зародится любовь, нужно время. Церковь такой последовательности не одобряет, но человечество, повинувшись диктату своего тела и природы, все меньше обращает внимание на церковные запреты. Нам вполне хватило средневекового мракобесия, когда сбесившиеся попы не только сжигали ученых и колдуний, но и возвестили о том, что человеческое тело с его потребностями есть невероятно греховная принадлежность, и что надо стыдиться своего тела, даже оставаясь наедине с собой. Человечеству предписывалось спать в длинных ночных рубашках и колпаках. Соблюдать гигиену было греховно, напротив, приветсвовались болячки и язвы, разъедающие плоть. Как человечество сумело не превратиться во фригидную массу испуганных идиотов, до сих пор не понятно. Приходит на ум только одно: Бог велик. Он гораздо более велик, чем церковь и, судя по всему, имеет мало общего с ней. Заложив в человека сильнейший инстинкт к совокуплению и размножению и, пролив на нас каплю своей любви, он спас человечество от вымирания.

Страстная, сводящая с ума любовь, когда физическое и духовное влечение счастливо сливаются воедино – чувство редкое и, увы, кратковременное. Любить до изнеможения долго нельзя точно так же, как нельзя быть долго счастливым. Любви нужны экстремальные обстоятельства. Сильно любят, когда любви что-то угрожает, когда за любовь нужно бороться, идя наперекор всему, часто даже рискуя жизнью. Вспомните опять-таки, Ромео и Джульетту. Вспомните бесчисленные любовные истории, романтические и трогательные, которые случались во время войн, революций или других испытаний, когда внешний трагизм жизни усиливал многократно чувства, испытываемые к любимому. Вспомните, как влюбленные всем на зло преодолевали такие препятствия, как принадлежность к другому вероисповеданию, к другому классу, к другой идеологии – другими словами, преодолевались всевозможные «железные занавесы».

Говоря о любви и физическом влечении, мне не хочется касаться первого десятилетия, последовавшего сразу же после октябрьского переворота в России в 1917 году. Большевики, огульно отметая Бога и церковь, решили от налаженного церковного пуританизма броситься в другую крайность. Они поощряли коммуную любовь и жизнь на троих, четверых и т.д. Такие, знаете ли, пролетарские передовые семьи, обретающие счастье без предрассудков в перенаселенных столичных коммуналках и на провинциальных задворках. Вся семидесятилетняя эпоха советской империи, ее стремление к Царству Человека и к концу истории, это – страшная летопись о десятках миллионов казненных и истребленных, о геноциде и беззаконности, о безнаказанности и

мракобесии. Те семьдесят лет в 20 веке стали одним из самых страшных преступлений в истории человечества. Сбесившиеся большевистские вожди управляли обезумевшими от страха народами. Носители великой идеи претворяли ее в жизнь кровью, унижением и насилием, очень часто используя половой акт как главное орудие пыток, унижения и подчинения. Орда строителей нового мира или, лучше сказать земного рая, не несла с собою любовь, а только ненависть и страх, порождавшие невероятные извращения. Ненависть тел. В 20-ом веке системы завоевывали себе право на существование не только идеологиями и оружием, но и человеческими телами. Не только теми человеческими телами, что, превратившись в пушечное мясо, устилала бранные поля. Отнюдь. Сокупление имело своей целью подчинить, причинить невыносимую боль и даже убить. Акт любви превращался в акт истязания или позорного возмездия. Большевики использовали сокупление, вернее, насилие, в качестве пыток в тюрьмах и лагерях. Освободители насильствовали женщин, чтобы унижить потерпевшую поражение нацию.

Забудем об этом, хотя бы на то время, пока мы говорим о любви. Вернемся к любви и к свету. Даже глупая, даже трагическая любовь по сравнению с тем мраком, это – свет.

Так о чем это мы? Ах, да. Человечество, как и многие другие особи в условиях внешней опасности, начинают усиленными темпами размножаться. Адреналин в крови побуждает нас к любовным похождениям, но, к сожалению, он плохой советчик. Адреналин искажает наше восприятие, толкая нас в объятия тех, кого следует обходить стороной.

Человеческая любовь таит в себе также много странностей. Любят, когда один из партнеров бросает вызов другому и его надо постоянно завоевывать, т.е. любят непредсказуемых, иногда даже жестоких. Прекрасным примером может служить роман Онассиса и Марии Каллас. После непродолжительного периода взаимной привязанности, он ускользнул, она же терпела его романы с другими, не переставая любить, всегда готовая простить и вернуться. Все дело в том, что в мозгу отвергнутого партнера может активизироваться та часть мозга, которая контролирует наши зависимости, такие как алкогольные, наркотические и другие – поэтому отвергнутому партнеру иногда бывает трудно или невозможно забыть того, кто его или ее отверг.

С другой стороны, утверждение, что любви нужны деньги и праздность, тоже не совсем верно. Именно это сочетание убивает любовь, рождая вместо нее извращенные формы сожительства. Древние римляне эпохи упадка Римской империи, а также современные сфабрикованные «звезды» с баснословными барышами, чью жизнь нам скармливают папарацци, прекрасное тому подтверждение. Способность любить у них отмирает после их фаустовского «да», когда они, продав душу, согласились на то, чтобы их раскрутили и выгодно продали. Пресыщенные всем, они очень скоро пресыщаются и друг другом. Поскольку наш мозг постоянно требует удовольствий, за пресыщением почти всегда следует извращение.

Говорят, хорошо любить, когда тебе встречается человек лучше тебя. Талантливей, умней. Тебе хочется его любить, постоянно находясь в том мире, который он создал вокруг себя. Любя того, кто лучше тебя, ты растворяешься в этой любви, сама становишься лучше, отказываешься от своего «я», перестаешь любить себя. Любишь только его или ее. Не это ли отказ от эгоизма, о котором говорил Соловьев? А Фейхтвангер как бы даже и вторит ему: «Есть такое блаженство, которое стоит любого унижения и, в придачу, вечных мук». Разве это не самое высшее выражение любви, когда, отказавшись от собственного эгоизма и себялюбия, любишь того, кто достоин твоей любви, кто лучше тебя? Такое отношение к любви является составной частью философии, упомянутой выше, а также прямой дорогой к истинной любви и, следовательно, бессмертию. Открываем «Бесов» Достоевского и читаем: «... нет выше счастья, чем собою пожертвовать». Не у всех это получается. Да и стоит ли закапывать собственную индивидуальность даже ради того, кто лучше тебя? И кто рассудит – кто лучше, кто хуже?

Двадцать первый век наделил нас разносторонними знаниями благодаря разнообразным открытиям «изобретательных безумцев». Мы образовали себя, усомнились в христианской догме и расстались с сентиментальными добродетелями прошлого. Мы отвергли дачную любовь Чехова и жертвенную любовь Достоевского, с преувеличенными чувствами и злым концом. Мы не хотим больше, как сказал Синявский: «Быть добрыми, пить чай с вареньем, разводить цветы, любовь, смирение, непотворение злу насилем и прочую филантропию». Нам стало не до этого, мы изменились, став еще большими эгоистами и прагматиками, потому что изменился мир вокруг нас, изменилась и сама любовь. Мне кажется, в двадцать первом веке, мы не столько любим, сколько ищем любви, отстаивая во взаимоотношениях, прежде всего, себя, заставляя других любить себя. Мы все больше и больше становимся эгоистами потому, что эгоизм с древних времен помогал человеку выжить. Если в девятнадцатом веке наши прабабушки и прадедушки просто жили, забавляясь романтической любовью, то мы, их потомки, в двадцать первом веке должны выживать. Эгоизм стал для нас важнее любви. За окном уже полыхают пожары будущего – катаклизмы, войны и эпидемии.

Пришло время признаться: по правде сказать, я не знаю, что такое любовь. Испытав в своей жизни любовь, я могу описать ее, но не могу определить ее. Тем более, что один мужчина подарил мне страсть без домашнего очага, а другой домашний очаг без страсти. Редко когда можно обрести и то и другое. Хорошие любовники редко бывают хорошими мужьями и наоборот.

Так что же такое любовь? Страсть, физическое влечение или терпение, когда можешь понять и принять в любимом человеке все или почти все? Или это чувство сытости и безопасности, когда за мужчиной чувствуешь себя как за каменной стеной, и в знак благодарности называешь его любимым? Что есть любовь для мужчины? Выражение собственного успеха, когда женщина – забава, дорогая игрушка, которой можно похвастаться, или тихая гавань, когда любимая становится

заботливой матерью, принимающей мужчину таким, каков он есть? Вариантов множество. Есть однополая любовь, есть любовь к родителям и детям. Можно любить клубнику со сливками. Нам говорят, что любовью может быть голая и яростная страсть, или, наоборот, дружба, преданная и крепкая, или сиюминутное увлечение, без прошлого и будущего, которое тоже можно назвать любовью, хотя, скорей уж, влюбленностью.

Но какая из этих любовий может сделать женщину рабыней и царицей одновременно? И есть ведь еще разделенная и неразделенная любовь. И есть любовь, похожая на боль, когда сердце постоянно болит и ноет за любимым. Тот же Сомс из «Саги о Форсайтах», всю жизнь любивший Ирэн, чем была его любовь, кроме непреходящей боли, унижения и череды страданий?

Любовь – дело запутанное, оно тянет за собой тысячи нитей, и в чистом, незамутненном виде ее в двадцать первом веке не существует. В наши времена о любви говорят мало и редко. Так, показывают в кино время от времени. И то, называют такие фильмы мелодрамами – обидное слово. Но мелодрамы пользуются успехом, потому что в них мы наблюдаем любовь нежную, наивную и трогательную, совершенно не связанную с реальностью. Мы умиляемся до такой степени, что, мечтая о несбыточном, роняем слезу. И, опять-таки, это мы, женщины, плачем, мужчины предпочитают спорт, фантастику или экшн с неправдоподобными трюками. На самом деле, мелодрамы нужно отнести в разряд поучительной документалистики. Наравне с популярными повествованиями о генетическом коде и необычных явлениях природы, о создании нашей планеты и вымирании динозавров, о лягушках и ящерицах, нам полезно время от времени смотреть и слушать повествования о диковинном чувстве любви.

Совсем перестали писать книги о влюбленных. Жаль, нас заставляют забыть любовь, принуждая жить в искусственном мире технологий, денег и страха. Мужчины и женщины стали бояться любви, предлагая друг другу взамен любви партнерство – стерильное, ни к чему не обязывающее сожительство. Я думаю, что писать о любви в современном мире можно, только слегка насмехаясь над собой и над этим великим чувством. Мне хотелось бы вернуть любовь в наш мир, но, увы, я не знаю, как это сделать.

И, все же, как ни удивительно, есть еще женщины, которые находятся в постоянном поиске любви, для которых любовь это – воздух, которым они дышат, смысл их жизни. Не любя, они погибают. Они уходят от тех, кто их любит, потому что хотят любить сами. Их осталось не так уж много, тех, кто не сдает своих позиций. Время их безжалостно уничтожает, зачастую не предлагая выбора между чувством и необходимостью. Запретите художнику рисовать, скульптору – ваять, певцу – петь. Запретите им создавать, опутайте оковами талант, полученный ими от Бога, и они, если не умрут, то сойдут с ума. Любовь – это тоже талант. Сотворить любовь мучительно трудно, еще труднее заставить ее прожить дольше, чем одно мгновение. Любовь – это когда твоя душа создает нечто наподобие Рая, и тогда на цыпочках по этому Раю...

